Деревья расступились, и густющие заросли лебеды выдавали места, где когда-то стояли дома.

– Вот тут мамка твоя и родилась, здесь их хатка стояла, – указала бабулька на «рощицу» из лебеды. Она частила о том, что помнит, как наши уезжали на Дальний Восток, что соседки плакали и говорили, зачем Анюша своих девок так далеко увозит? На край света, «к самым китайцам».

В воздухе звенела тоска, та самая, которая «необъяснимая словами», во рту горчило, глаза резало от предательской соли.

Мысли жали, как тесные туфли, у этого заросшего травой забвения бугорка пролетели все изломанные войной жизни моей анишинской родни. Выпукло думалось: как опалила их война, как отняла она детство и половину счастья, как лишила здоровья и многих радостей. Уехав на другой конец страны, вы так и остались ее вечными подранками.

…Несколько горстей теплого калужского суглинка, туго увязанного в целлофановый пакет, я привез на сельский погост амурского Отважного. Рассыпал по жменьке всей своей рано упокоившейся родне. Моим Анишиным.

Российская газета. 30.04.2015

М. Белоусов

ВЫНЕСЛА ВСЕ ДЕРЕВЕНЬКА СИБИРСКАЯ …

«Господи! Как же нас мало осталось,
пацанов той страшной войны…»

Как сказано в Священном Писании, каждому суждено родиться в определенное время и в определенном месте, также и покинуть мир сей. Мне и таким же пацанам суждено было родиться в конце 20-30-х годов двадцатого столетия в деревне Никишинке, в колхозе 7 съезда ВКП(б) Кайлинского сельского совета Анжеро-Судженского района (Яйского) Западно-Сибирского края (впоследствии) Кемеровской области.

Когда началась «война с германцем», так говорили в нашей деревне, мне было неполных шесть лет. И начало войны я помню смутно. Но последующие годы и многие события врезались в память прочно…

…Зима, вторая половина. На скотном дворе кормов совсем не осталось, нужно подвозить сено со стогов, которые находятся в полях. Женщины запрягают лошаденку или быка (кому кто достанется), берут в помощники подростков и – в поле. Легко сказать – привезти сено. Но как добраться до стога? Сначала нужно «пробить», протоптать по глубокому снегу дорожку, а уже потом провести по ней запряженных животных. Нагрузив воз, трогаемся, но лошадь не может вытянуть повозку, приходится помогать. Чтобы наш гужевой транспорт тянул сани, животных даже били. От боли они тянули из последних сил. И так в течение дня перевозили весь стог, иначе дорогу переметало, и нужно было все начинать сначала…

Также заготавливали и вывозили дрова, так как топились только дровами. Мужиков в деревне почти не было. Молодые и здоровые воевали, а постарше и не совсем здоровые – в

трудармии. Остались на «развод», так шутили наши озорные бабы, дед Игнаш – глухой, как пень, с седой бородой, Ляксаха (Александр), он постоянно кашлял, за что его называли чахоточным, Сашка Кузнец, хотя его фамилия была Тимофеев, да дед Хохол, я так и не знал его имени, просто все называли «дед Хохол». Остальные мужики – подростки 13-15 лет.

Вся колхозная работа лежала на плечах женщин и детей. А вот председателем был мужчина. Кто и откуда его прислал, не знаю, детей у него не было, жил со своей женой Пучихой, так как фамилия председателя – Пучков. Любимое выражение председателя «…мать – военное время». Не щадил никого: ни взрослых, ни подростков. По дворам была разнарядка по заготовке чурочек для тракторов (работали на газогенераторе из-за нехватки горючего). Нужно было напилить березовых чурок (колёсиков) толщиной не более 10-15 сантиметров, мелко наколоть и высушить. И попробуй не выполнить, «…военное время»!

Старшие и подростки работали в колхозе, а мы, мелкота, – по своим хозяйствам. Заготавливали дрова, пилили, кололи, укладывали поленницы, чтобы высохли за лето, следующей зимой пропадешь – не растопишь печь. Носили снег в дома и таяли его для питья. А для стирки, мытья и скота кололи лед на пруду Алданка. Убирали коровьи лепехи из стайки и развозили по огородам на маленьких саночках. Давали сено скотине, убирали за коровами и овцами.

Сашка Кузнец работал в кузнице и много помогал колхозу. Ремонтировал бороны, плуги, делал полозья для саней, втулки для тележных колес, тяжи на телеги и оглобли и многое другое. Также Ляксаха сторожил скотный и конный дворы, ремонтировал сбрую.

Подростков 14-15 лет со своими лошадьми зимой посылали на лесозаготовки, на снегоборьбу на станцию в Анжерку, где они очищали железнодорожный пути. Также на своих лошадях, со своими продуктами для себя и кормом для лошадей. Для этого нужен был здоровенный короб на каждую повозку. Их из прутьев изготавливал дед Игнаш.

Коровы и лошади были очень ослаблены непосильной рабой и плохой кормежкой. Я видел такую картинку. Стоит корова, а на ней сидит сорока и долбит ее, клюет мясо, а корова без сил и даже не пытается ее прогнать. Ужасное зрелище!

Еще мы научились катать валенки, правда, получались они неаккуратные и мягкие, не было кислоты, но все равно в них было тепло. Так и пережили зиму. Сказать, что было трудно, значит, ничего не сказать.

…Весна, посевная. Тракторов не хватало, а какие были – часто ломались. Трактористы – только подростки. МТС (машинно-тракторная станция) находилась за 80 километров, в Кайле. В управлении тоже была полная неразбериха. Приезжает агроном и нарочный из района – требуют пахать и сеять, хотя их пытаются убедить, что земля еще сырая и холодная – бесполезно… Пахать и сеять! Военное время. Попробуй возразить. Один требует пахать глубже, другой – мельче и… пошло поехало. Но… посеяли, отрапортовали, а что там получится, никто знать не мог.

… Вот уже и покос и подходит. Рабочих рук не хватает, техники нет, правда, попозже появились конные сенокосилки, и стало полегче. Нас, пацанов, брали на сенокос сгребать и переворачивать валки, а потом на волокушах, запряженных лошадью или быком, подвозить в копнах к месту, где складировали в стога или скирды. А когда же заготавливать сено для

своих коровенок и овечек? А когда хочешь, ведь пока не выполнишь план по заготовке сена для колхоза, для себя косить не имели права. А там уже и трава высохла. Но как бы трудно ни было, все же умудрялись заготовить и для себя – бежали бабенки и подростки раненько утром в лес и косили.

Не успели закончить с сенокосом – поджимает уборочная. Вот тут надрывали пупок окончательно: то дождь – нельзя убирать, то убрали сырое зерно – сушить нужно. Днем жали, по ночам – обмолачивали. Электроэнергии в деревне не было, и обмолот производили с помощью конной тяги. Зерно возили на элеватор на станцию Судженка. Дороги разбиты. Повозки тонут в грязи. Лошади слабые, возчики, в основном мальчишки и девчонки, в сопровождении старших. Мешки тяжелые. Подростки надрывали животы, потом в деревне лечили грыжи, ставили горшки на живот, что-то вроде современных банок. А заканчивалась уборочная – получать на трудодни нечего, все ушло для фронта, в закрома Родины. И опять зимой тереть картошку-кореневку по целому ведру и печь из нее хлеб и батоны. А к весне и она заканчивалась. Собирали траву да гнилую картошку на колхозных полях, делали «тошнотики». И все же выжили и… победили!

Вот они, труженики тыла, пацаны, с кем ковали Победу: Саша и Леня Тимофеевы, Петя и Леня Максимовы, Женя Тимофеев, Петя и Рая Сусоевы, Зоя и Зина Ефимовы, Толя Петров, Коля, Витя, Нюша, Миша Курановы, Богдановы, два Коли (двоюродные братья), Валентин и Тоня Андреевы, Нина и Ваня Яковлевы, Вася и Лида Дерендяевы, Клава, Ваня, Миша Белоусовы, Женя Ефремов, Аня, Леня, Нина, Степа Приходько. К сожалению, многие уже ушли в мир иной. Осталась связь с Раей Сусоевой (Тимофеевой в замужестве) и Ниной (Анной) Яковлевой (Аловой).

В конце войны увидели живых немцев. На копку картошки пригнали пленных, человек 15-20. Охранник-надзиратель был злющий! Немцы его боялись. Напротив конторы на пригорке висел котел для приготовления пищи. Кормили их неплохо, мы даже выменивали у них кильку соленую пряного посола. Вкусная была!

У нас был большой дом, и поэтому к нам поселили старшего немца-переводчика. А с ним были две «фрау». То ли поварихи, то медсестры. Спали все втроем на полу. Мама спрашивала немца: «Где научился разговаривать так чисто по-русски?». Отвечал: «До войны учился в Ленинграде».

Как работники немцы были никудышные. Сам наблюдал. Вдвоем накопают картошки ящик – на носилки, отнесут в общую кучу, и тут же один из них бежит в кусты. За следующими носилками другой делает то же самое. Дескать, животы у них расстроенные. Один раз видел, как надзиратель бил немца прикладом за то, что тот просмотрел и перевернул воз с картошкой на мостике. Других случаев не припомню. Все же русские люди милосердные. Такие зверства фашисты творили, а мы к ним относились по-человечески. Кормили, спали в одном доме, разговаривали.

Я не помню, как попала к нам картинка-фотография из газеты, где советская девушка привязана к дереву, распята, как Иисус Христос, естественно, мертвая, вся обнаженная. До сих пор стоит мне закрыть глаза, я воочию вижу ту молодую девушку. За что?! Девушка – Россия, Родина …

Как бы то нам ни было, но общими усилиями мы победили. Известия об окончании войны получили на уроке в школе в деревне Суровке. Что тут началось!!! Три километра до нашей деревни бежали. Но нас опередил верховой на лошади и сообщил радостную новость, которая, естественно, была со слезами на глазах, так как были потери и в нашей деревне. Убиты двое молодых парней: Петр Дерендяев и Владимир Яковлев, оба холостые. У пожилого Василия Максимова, не вернувшегося домой, осталось четверо детей. Иван Приходько вернулся без кисти. Андрей Бугаев – на деревянной ноге. Николай Тимофеев получил серьезное ранение. Остальные мужчины вскоре после войны один за одним ушли на погост. Вот такая цена нашей Победы для нашей деревеньки.

Как бы трудно ни было, но все работали, работали и работали. Несмотря на все тяготы и нищету (босиком ходили), полуголодное существование, мы, как и все дети, находили время и играли в лапту, палки-закидалки, казаки-разбойники, городки, улица на улицу. Подростки взрослели, влюблялись – жизнь продолжалась…

Сегодня уже нет моей Никишинки (снесли как неперспективную деревню), но в сердце моем она по-прежнему жива. Я не знаю, чьи это слова, но они подходят к моей деревне точь-в-точь:

Тихая моя родина – березы, пруд, снегири.

Брат мой здесь похоронен в детские годы мои.

(брат Ваня умер и похоронен в 1948 году).

Вместо пруда – болотина там, где купаться любил (пруд Алданка).

Тихая моя Родина, ***Я НИЧЕГО не забыл***.

Наш город. Массовая газета
Анжеро-Судженского городского округа.
02.05.2015. № 69 (194053).